

ный и от идеалистического пренебрежения жизнью, и от вульгарного материализма «Диалектический историзм» Чернышевского, отличающий его точку зрения от позиции Фейербаха, по справедливому мнению ученого, сказался с особенной силой в системе его литературно-исторических взглядов и в учении о тенденциозности как стремлении художника к подлинной красоте и обновлению жизни.

Однако, как и в статье о Герцене, А. Лаврецкий склонен отнести все достижения Чернышевского за счет его последовательного материализма, что несколько упрощает вопрос. В этом отношении прежние работы исследователя содержат более объективную оценку теории Чернышевского и ее противоречий, отражающих неполноту домарковского материализма в большей степени, чем эстетика Белинского⁶.

Одним из самых интересных разделов сборника является широко аргументированное исследование «Н. А. Некрасов — критик», которое остается лучшим среди работ о литературно-критической деятельности поэта. Изучая критические опыты Некрасова в неразрывной связи с формирующим воздействием революционно-демократической мысли, А. Лаврецкий свободен от прямолинейного отождествления последней с исканиями поэта. К новой эстетике Некрасов шел путем напряженной борьбы с самим собою, с инерцией стихотворных традиций искусства дворянского периода.

Но эта борьба, подчеркивает исследователь, не означала отрицания предшествующих завоеваний поэзии. Напротив, именно Некрасов осознал глубокую преемственность между двумя этапами развития русской литературы и выступил с критикой одностороннего толкования Пушкина защитниками гоголевского направления и противниками его. «При некрасовском понимании Пушкина и Гоголя,— пишет А. Лаврецкий,— противопоставление их друг другу было беспредметно, а отрицание преемственности между ними — бессмысленно» (стр. 98). Этот тезис — прямой ответ на попытки некоторых исследователей вернуться к ошибочному разграничению пушкинских и гоголевских традиций⁷ и ясное подтверждение той линии в изучении творчества поэта, которая обозначена трудами К. И. Чуковского, Б. Я. Бухштаба и др.

Примером глубоких прозрений Некрасова была, по мнению А. Лаврецкого, и его оценка Тютчева. Некрасов ввел Тютчева в литературу, открыл тайны его поэтического обаяния, уловил неповторимую красоту и мудрость тютчевского стиха.

Проблематика статьи о Некрасове очень широка. Здесь определен характер отношений Некрасова к поэзии А. Майкова и Фета, обозначены связи его с Тургеневым и Л. Толстым, раскрыт смысл борьбы с булгаринствующей литературой. И главное, А. Лаврецкому удалось показать на примере Некрасова, что революционно-демократическое понимание тенденции как необходимого условия художественности было в центре исканий поэта. Именно здесь — самое глубокое соприкосновение Некрасова с Белинским, Добролюбовым и Чернышевским, которые стремились научно доказать эстетическую полноценность поэзии социальной тенденции.

Подлинный реализм по своим теоретическим основам, доказывает А. Лаврецкий, внутренне родствен прогрессивной демократической эстетике даже в тех случаях, когда писатель считает себя ее сознательным противником. Мысль эта является лейтмотивом статьи о Гончарове. Обличитель революционной тенденциозности, сторонник созерцательно-пассивного историзма, критик сатирических жанров, противник социально-философского романа, Гончаров, убежденный реалист, вместе с тем защищал высокую «идеальность» искусства (так он именовал идейность), выдвигая трудовой критерий в оценке характеров, в частности «лишних людей», оставаясь верен учению Белинского о «субъективности» и создал одну из самых проникновенных и правдивых характеристик великого критика.

Сборник завершается статьей «Историко-литературная концепция М. Горького», где демонстрируется глубокая преемственность между искусством социалистического реализма и русской классической литературой.

Сказанным здесь далеко не исчерпывается содержание сборника. Как и все труды Лаврецкого по истории и теории литературы, это книга широких раздумий о судьбах искусства и важнейших закономерностях его развития. Работа написана строгим, выразительным, почти афористическим языком. Несмотря на то, что первая статья сборника была создана еще в середине 30-х годов, а последняя — в конце 50-х, сборник отмечен единством общей концепции и подходов, существенных и актуальных в свете современных задач науки о литературе.

Т. И. Усакина

⁶ См., например, А. Лаврецкий. Чернышевский. «История русской критики». Изд-во АН СССР. М.—Л., 1958, т. II.

⁷ См. В. А р х и п о в. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н. А. Некрасова. Ярославль, 1961.